

Была ли неизбежна русская революция 1917 года?

Андрей Медушевский

Один из предрассудков, доставшихся постсоветскому обществу в наследие от марксистской историографии, заключается в представлении о предпочтительности революций социальным реформам как способу решения конфликта модернизации. Этот предрассудок основан на убеждении, что революции, совершаемые «народными массами», оказываются более последовательными в разрешении социального (аграрного) вопроса, нежели реформы, осуществляемые государством в своих собственных интересах. Однако реальный вклад революций и реформ в модернизацию традиционного общества не подтверждает этот вывод или во всяком случае заставляет усомниться в его аксиоматичности.

Основу крупнейших социальных потрясений Нового и Новейшего времени составляет разрыв легитимности и законности, т.е. представлений о справедливости и позитивного права¹.

Содержание социального конфликта при переходе от традиционного к индустриальному обществу выражается в противоречии формальных отношений собственности и представлений крестьянства о справедливости как торжестве утопической идеи уравнительного распределения земли². Данный конфликт не существовал в древности, но стал выражением эпохи Нового и Новейшего времени, когда возникает поляризация общества в отношении мо-

---

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школы экономики». *E-mail:* medushevsky@stream.ru

Ключевые слова: модернизация, социальный конфликт, революция, реформа, аграрная трансформация, правовые проекты, либерализм, экстремизм.

дернизации традиционных социальных институтов – феномена «новизны», а также возможности общественной мысли реагировать на нее³.

Ситуация незавершенной модернизации – это ситуация неустойчивого равновесия, в которой традиционный политический режим оказывается чрезвычайно непрочен и легко становится жертвой сравнительно незначительных воздействий внутреннего или внешнего характера. Это и есть та среда, в которой возможна революция.

Возможность революционного взрыва превращается в действительность в результате комбинации отсталости масс, авторитаризма политической власти и экстремизма радикальной интеллигенции.

Революция и реформа как основные стратегии трансформации традиционалистского общества

Важнейшими критериями, разделяющими революцию и реформу, являются отношение к праву и судьба правящего класса. В первом случае происходит его разрушение, во втором он сохраняет свои позиции. Под социальной революцией, исходя из этого следует понимать быструю и основательную трансформацию государства и социальной структуры, сопровождающуюся или частично осуществляемую за счет разрыва правовой преемственности – классового восстания снизу, связанного с массированным применением насилия.

В современной науке широко используется понятие «аграрная революция», взятое из лексики французской и русской революций, интерпретация которого, однако, далека от единства.

Теория аграрных революций Нового времени объясняет данный феномен исходя из общего кризиса традиционных аграрных обществ в условиях модернизации. Постановка проблемы в историографии (Б.Мур) различала три основных типа перехода к современному (индустриальному) обществу:

– буржуазные революции, высшим выражением которых стала западная форма демократии (Англия, Франция и США);

– «консервативная революция сверху», завершившаяся фашизмом (Германия, Италия и Япония);

– крестьянские революции, ведущие к коммунистическому эксперименту (Россия и Китай).

Методы модернизации, использованные одной группой стран, изменяют постановку проблемы в других странах, которые получают определенную возможность выбора – реализовать «преимущество отсталости»⁴.

Русская революция 1905–1907 гг. и затем 1917 г., как ранее Французская, оказала влияние как непосредственное, так и опосредованное на все крупные социальные конфликты развивающихся стран.

В литературе о крестьянских войнах XX в. проведено сравнение крестьянских революций в России, Мексике, Китае, Алжире и Вьетнаме⁵.

Причина революционного утопизма в невозможности реализации и последующего поддержания фактического равенства в распределе-

нии земли. Неосуществимость данного решения на практике ведет к появлению другого решения – экспорта аграрной революции (проект Коминтерна), который есть не что иное, как попытка компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отношений распространением их на другие страны⁶.

Реформационная модель, в основе которой лежит либеральная концепция преобразований, напротив, отстаивает путь правовой преемственности, рациональных изменений, осуществляемых государством на основе достижения и поддержания социального компромисса в обществе.

Подобная стратегия аграрных реформ была реализована в Пруссии. Это также революция Мейдзи в Японии, преобразования Кемалья Ататюрка в Турции.

Примерами осуществления стратегии «революций сверху» признаются некоторые военные диктатуры Новейшего времени, например, в Египте и Перу⁷.

Первой радикальной аграрной реформой такого масштаба является, несомненно, реформа Александра II 1861 г. Это был, по словам В.О.Ключевского, «исторически последовательный ответ на величайший и труднейший вопрос нашей истории, подготовленный веками и чрезвычайно запутанный неблагоприятными обстоятельствами нашей жизни»⁸.

Предложенная П.А.Столыпиным концепция преобразований также представляла революцию сверху, через радикальный пересмотр стереотипных психологических ожиданий, правил игры в социальных отношениях и хозяйственной деятельности, стандартах мотивации поведения при сохранении общей правовой преемственности и легитимности политической власти.

Ее основной элемент – преодоление исторически сложившегося правового дуализма путем распространения на крестьянство об-

щегосударственного гражданского права и укоренения института частной собственности на землю.

Данная концепция, теоретические основы которой были сформулированы еще правительством С.Ю.Витте⁹ и блестящей плеядой русских ученых-аграрников, была призвана завершить логику Великих реформ 60-х годов XIX в., включив в сферу модернизации социальных отношений традиционное крестьянство и ликвидировав основу уравнительно-распределительной аграрной экономики – сельскую общину.

Выход из кризиса при данной, вполне актуальной постановке вопроса основывается на изменении традиционалистского сознания, которое делает возможным укоренение институтов рыночной экономики, гражданского общества и правового государства, несмотря на оказываемое сопротивление массового традиционалистского сознания.

В отличие от революционной модели трансформация и модернизация общества в этом случае достигались не за счет массовой мобилизации, как в ходе Французской или Русской революций, а за счет вмешательства государства в регулирование отношений собственности, манипуляции элитными группами и эффективной управленческой деятельности. Причиной революции в таком случае является неспособность традиционалистского авторитарного режима овладеть тем процессом модернизации, который был успешно запущен либеральными реформами 60-х годов XIX в., но не доведен до логического конца¹⁰.

Предпосылки для столкновения этих двух моделей общественного развития (революционной и реформационной) были представлены в России в конце XIX – начала XX вв.

Механизм революционного кризиса: от завышенных ожиданий к росту социальной агрессии

Причины, по которым реформационная инициатива не смогла остановить революции в России, заслуживают тщательного исследования.

В литературе по данной проблеме предложен ряд гипотез, которые целесообразно проверить на русском материале.

Главная из этих гипотез формулируется современной социологией революции на основе их сравнительного изучения как закон Токвиля. Его суть состоит в следующем: революции происходят тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания растут. Продолжающийся рост завышенных ожиданий в условиях относительного спада или стагнации перестает, следовательно, соответствовать реальной ситуации в экономике и политике. Отсюда – рост недовольства (фрустрация), а основным способом ее преодоления – социальная агрессия: народ, без жалоб сносивший самые тяжелые законы, сбрасывает их, когда время облегчается¹¹.

А.Токвиль был первым, кто заметил парадоксальную связь между ростом благосостояния и агрессивности общества, подчеркивая, что причины революции следует искать не в экономических, а скорее в информационно-когнитивных и социально-психологических параметрах модернизации. Из этого анализа следует принципиальный вывод: есть возможность избежать революции в традиционном обществе в случае

последовательной реализации их целей путем реформ.

В современной литературе о революциях и реформах парадигма А.Токвиля стала основой эмпирических исследований отдельных аграрных революций периода модернизации¹². В них, в том числе на русском материале, разработана концепция «относительной депривации», т.е. психологического ощущения дискомфорта и социального разочарования в условиях относительного, а не абсолютного ухудшения социально-экономического положения населения по сравнению с предшествующим периодом развития или по сравнению с другими странами.

Следуя этой логике, быстрое экономическое развитие в пореформенной России, имевшее, согласно последним подсчетам, одни из самых высоких показателей темпов роста в мире¹³, стало причиной кризиса модернизации: вело к социальной дифференциации и поляризации традиционного общества, достигшей высшей стадии в ходе столыпинских реформ, что в ситуации относительного экономического спада и внешних трудностей стало причиной срыва аграрных реформ.

Интересно рассмотреть феномен завышенных ожиданий как психологической предпосылки крушения модернизационного проекта. В основе данного явления лежит «расхождение между ценностными ожиданиями людей и их ценностными возможностями, т.е. расхождение между теми благами и жизненными условиями, которыми, как им кажется, они

должны обладать, с одной стороны, и теми благами и условиями, которыми, по их мнениями, они реально располагают, с другой стороны»¹⁴. Но этот конфликт и реализуется по линии правового дуализма, т.е. столкновения позитивного права и справедливости в поземельных отношениях.

В России, как и других аграрных странах, основной предпосылкой формирования завышенных ожиданий стало представление крестьянства о несправедливости существующих правовых оснований распределения земли – представление, которое не ослабевало, но нарастало по мере юридического раскрепощения крестьянства в ходе реформ 1861 г. и особенно 1907 г.

Формирование институтов гражданского общества в пореформенной России, неизбежно сталкивавшееся с ограничениями абсолютистской системы, способствовало не столько преодолению, сколько аккумуляции этих протестных настроений¹⁵.

Данный подход актуализировал изучение психологических факторов социальной агрессии и предпосылок ее выхода наружу в различных формах деструктивного (девиантного, делинквентного) или даже насиль-

ственного (криминального) поведения. Распад традиционных социальных связей, ранее сдерживавших эти формы протестного поведения (в виде религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи), также становился результатом содержательных процессов модернизации, одновременно готовившим ресурсы традиционалистского протеста против нее как со стороны правых, так и левых противников реформы¹⁶.

В результате синтеза этих двух направлений возникает феномен традиционалистского, по сути, протеста, облеченного при этом в утопические эсхатологически-мессианские и радикально-революционные формы.

Основой социальной мобилизации в этих условиях становятся самые примитивные идеологические постулаты, единственным преимуществом которых является их востребованность массовым сознанием, например, идея «Черного передела». В крайней форме психологическая агрессия выражается в насильственных действиях революционных толп, поджигающих помещичьи усадьбы.

Неустойчивое социальное равновесие и ошибки власти как катализатор революционного процесса

Очевидно, что те или иные действия власти могут иметь разный эффект в различной социальной ситуации. В условиях неустойчивого равновесия и роста социальной напряженности (это ситуация незавершенной модернизации) такое явление, как неожиданный отказ от реформ или поворот к контрреформам, является дестабилизирующим фактором, провоцирующим социальную

дезориентацию и протест мыслящей части общества.

Например, именно так, т.е. посредством контрреформы, воспринимался российским обществом резкий отказ Александра III от курса реформ предшествующего царствования и попытка возврата к дореформенным порядкам по всем их важнейшим направлениям: аграрным отношениям, земском самоуправлении, судебной власти, гласности и высшем образовании¹⁷.

Как показывает анализ, проблема заключалась именно в системном отказе от реформ: корректировка курса модернизации может не иметь фатальных последствий, если не затрагивает сути модернизации, а ограничивается, допустим, исключительно усилением авторитарных черт режима.

Данная модель «направляемой демократии», реализуемая последовательно, например в современном Китае, способна обеспечить политическую стабильность при сохранении курса рыночных реформ в экономике, хотя, конечно, остается открытым вопрос о ее эффективности в длительной перспективе¹⁸.

Итак, в той игре с нулевой суммой, которая становится неизбежной в результате тотального отказа от реформ, непоследовательность и ошибки государственной власти в стратегии и технологиях преобразований выступают едва ли не главным фактором дестабилизации политической системы: колебания в проведении реформ, сворачивание реформ и политика контрреформ; деспотизм бюрократии (ошибки стратегического и тактического характера); отсутствие у самодержавия опыта действия в периоды демократизации политического режима – все это эффективно используется противниками модернизации¹⁹.

Ошибки власти в ситуации неустойчивого равновесия могут быть связаны с влиянием внешнего фактора – поражением в войне, которое всегда ставит вопрос о легитимности режима и возможности его свержения антисистемными силами. Успешная революция или государственный переворот становятся выражением слабости режима и его неспособности поддержать стабиль-

ность в условиях модернизации легитимными методами.

В ситуации острого социального конфликта принципиальное значение также имеет сохранение когнитивного доминирования сторонников либерально-реформационной стратегии в обществе. Однако интеллигенция в условиях модернизации сама перестает быть единой и включает как минимум три основные группы:

- первая группа, не осознающая смысла модернизации и считающая ее противоречащей национальным интересам (традиционалисты-почвенники);

- вторая группа – четко осознающая задачи модернизации и стремящаяся к ускорению ее развитие (либералы-западники);

- третья группа, понимающая смысл модернизации, но желающая воспользоваться порожденным ею конфликтом для разрушения политической системы и отказа от модернизации в правовых формах (левый экстремизм).

Успех модернизации возможен лишь при условии консолидированной позиции правящего класса и либеральной интеллигенции. Отсутствие подобной консолидации и перекрытие каналов вертикальной социальной мобильности для просвещенной части общества заставляет ее примкнуть к антисистемным силам, а не искать успеха в системной и легитимной деятельности. В этом контексте объясним рост политических требований интеллигенции, в частности её радикального крыла: из всех стратегий решения аграрного вопроса предпочтение в конечном счете было отдано наименее эффективным и наиболее утопичным.

Большевики смогли использовать темноту и жадность крестьянства только потому, что политическая элита оказалась расколота в вопросах стратегии модернизации,

а государственная власть утратила существовавшие ранее действенные рычаги формирования его сознания и этических представлений.

Мог ли Столыпин остановить революцию?

Столыпин был одним из немногих государственных деятелей Европы начала XX в., кто четко понял значение социальных изменений Новейшего времени, масштаб революционного кризиса и исключительную важность его преодоления в России – в стране, «представляющей из себя шестую часть земного шара, и это в один из самых трудных исторических моментов, повторяющихся раз в тысячу лет»²⁰.

П.А.Столыпин предложил собственную интерпретацию революции. Революции вообще оцениваются им как такие срывы исторического развития, которые происходят в условиях неустойчивого равновесия, когда общество стремится преодолеть сдерживающие его исторически сформировавшиеся социальные ограничения, но при этом оно дезориентировано быстротой перемен и еще не нащупало адекватных инструментов реагирования на новые вызовы.

В этих условиях формируется особый революционный миф, основу которого в аграрной стране неизбежно составляет привлекательная для масс, но не реализуемая на практике идея возврата к исходному равенству, утраченному будто бы с развитием капиталистической цивилизации.

Еще в 1905 г., будучи саратовским губернатором, П.А.Столыпин констатировал «отсутствие в народном

сознании революционных идей», но отмечал такую исторически сложившуюся черту социальной психологии крестьянства, как «страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню», что ведет к понижению планки на уровень «худшего, инертного большинства»²¹.

Поэтому, по мнению П.А.Столыпина, революционный миф устремлен не в будущее, а в прошлое, а конструктивным преобразованиям противопоставляется уравнивательная психология. Частью этого мифа становится совокупность иллюзорных представлений о возможности возврата к социальной гармонии путем разрушения существующей социальной и политической системы с помощью насилия.

«Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность через приобретение земли». Но проведение рыночных реформ ведет к расслоению общества, создавая основу социальной ненависти и озлобления существующим порядком, «на почве которого легко прививаются пропаганда и возникают аграрные беспорядки». В результате революция из абстрактного гуманитарного идеала быстро вырождается в «революционную горячку» – неконтролируемое проявление социальной агрессии, приобретающей форму уголовно наказуемых актов террора.

Вопреки левым теоретикам революции эти акты насилия и социальной агрессии определяются, согласно П.А.Столыпину, не столько экономическими трудностями, сколько феноменом психической аберрации, т.е. неадекватном восприятием ситуации традиционалистскими массами, близорукостью или ошибками власти и деятельностью экстремистских агитаторов. В силу чего феномен завышенных ожиданий выступает как психологическая предпосылка революционного срыва модернизационного проекта. Психологическое раздражение в обществе от невозможности реализовать творческий потенциал ведет к быстрому росту максимализма требований и аккумуляции недовольства различных социальных групп крайними оппозиционными движениями.

Против реформаторов выступают разные социальные элементы – «пресса и модное общественное течение, и тенденциозная фальсификация фактов и событий», использование тактических ошибок власти – «наших военных неудач и всевозможных разоблачений правительственных язв и якобы правительственной слабости»; стремление к «революционизированию народа с думской кафедрой»²⁰.

П.А.Столыпин писал о существовании «возникших с 1905 г. событий смутного времени»²¹. Максимализм и утопичность революционных проектов социального переустройства порождают террористические методы их осуществления. Крайней формой революционного экстремизма предстает «открытое разбойничество», выдвинувшее вперед все противобщественные «преступные эле-

менты» – явление, противопоставить которому можно «только силу»²².

Важна в этой ситуации и реконструкция позиции революционной интеллигенции. П.А.Столыпин выделял такие ее особенности, как:

– *во-первых*, тотальное стремление к разрушению существующей системы без предложения конструктивной альтернативы, т.е. «страсть к ломке», инстинктивное предпочтение «законному ходу вещей достижения реформ путем революционным»²¹;

– *во-вторых*, абстрактно-теоретический характер рекомендаций умеренной оппозиции – «третьего элемента», который «быстро поднял голову и смело предъявил притязание на руководящее положение» при общей оторванности от социальной практики и управления;

– *в-третьих*, стремление радикальной оппозиции использовать темные массы для реализации утопических целей: «Анархисты-коммунисты и так называемая “оппозиция” партии социалистов-революционеров (“максималисты”), – констатировал он, – проповедают явное безначалие и почти исключительно заняты организацией убийств и грабежей». П.А.Столыпин понял замысел радикальной оппозиции, который, по его словам, «сводится к тому, чтобы всю энергию пропаганды и агитации направить на крестьянство, поднять его по окончании уборки хлебов на повсеместные беспорядки, а затем, при одновременном устройстве всеобщей забастовки, двинуть в действие городской пролетариат и создать, таким образом, народное вооруженное восстание»²³.

Это была известная идея о «союзе рабочего класса и крестьянства» в

революции, «перерастании» ее из демократической в пролетарскую при одновременном внесении в массы «классового сознания» извне с помощью пропаганды, осуществляемой конспиративной партией «профессиональных революционеров».

Торжество революционного мифа, следуя этой интерпретации, выгодно не народным массам, которые в условиях разрушения правовой системы очевидно теряют больше, чем приобретают, и не конструктивным силам общества, выступающим за модернизацию, на маргинальном,

нетворческом элементе, стремящимся путем разрушения удовлетворить свои примитивные инстинкты мстительной зависти, агрессии и жажды власти. В революционном кризисе, подчеркивал П.А.Столыпин, нет ничего фатального: он напоминает болезнь, которая может кончиться как смертью, так и выздоровлением организма, а результат зависит от точности диагноза и правильности лечения.

П.А.Столыпин не только мог остановить революцию, но и сделал это, правда, на короткое время²⁴.

Вариативность моделей разрешения кризиса 1917 года

Развитие революции идет по известной траектории: раз начавшись, она проходит ряд основных фаз, последовательно передавая власть от умеренных к радикалам и ультрарадикалам с тем, чтобы последние уступили место реставрационным тенденциям²⁵.

Например, Февральская революция с этих позиций является первой прерванной демократической революцией Новейшего времени, так как она закончилась в результате государственного переворота. Основной причиной крушения первой республики являлось господство в сознании ее лидеров установок классического парламентаризма, сформировавшихся в условиях сословного общества, цензовых избирательных систем и отсутствия массовых партий.

Рассматривая парламентские дебаты как средоточие политики, либеральные конституционалисты не увидели новой опасности, сформировавшейся в условиях массового об-

щества. Лидеры Февраля исходили в своей программе из необходимости длительного противостояния самодержавию (постепенного перехода к парламентской монархии британского типа), не учитывая в своей тактике того факта, что монархия в России была не только символом, но и реальным носителем власти. Свержение этой власти означало одновременно кризис легитимности режима и кризис системы государственного управления. В условиях конституционной неопределенности решающим фактором определения вектора политической системы становились технологии государственных переворотов²⁶.

Вариативность моделей разрешения кризиса и политического устройства государства в переходной ситуации очень четко связывается с общей судьбой Конституанты*.

Во-первых, возможны были различные юридические и политические конструкции Учредительного собрания (как и его предшественни-

---

* Конституанта – это орган учреждающий, вводящий в действие Конституцию. В трудах, посвященных российской истории начала XX в., этот термин употребляется, прежде всего, по отношению к Учредительному собранию.

ков – Демократического совещания и Предпарламента), способные облегчить или затруднить достижение компромисса между умеренными политическими силами, стоящими на позициях правового решения.

Во-вторых, конфликт конституирующей и конституционной власти мог пойти по трем разным сценариям: по линии создания двух непримиримых центров конституирующей власти (Конституанта и Советы), разворачивания конфликта с временной исполнительной властью (практически неизбежного в условиях быстрой революционной ломки) и, наконец, прямой узурпацией власти правительством с последующим подавлением Конституанты.

В-третьих, политика нового большевистского режима в отношении Конституанты, в целом абсолютно враждебная, не была постоянна и подвергалась корректировке в связи с изменением политической ситуации:

– выборы Учредительного собрания и его созыв, объявленные Временным правительством, произошли уже после его свержения в результате большевистского переворота 7 ноября (25 октября) 1917 г.;

Большевистский переворот и постсоветская трансформация

Важнейшими следствиями большевистского переворота 7 ноября (25 октября) 1917 г. и роспуска Учредительного собрания следует признать:

– кризис легитимности всего переходного процесса и революционных институтов власти (легитимирующая функция Конституанты перешла к оппозиции, а затем русской

– невозможность для нового режима легитимировать себя через Учредительное собрание заставила его обратиться к силовому разрешению конфликта.

Все это в случае их правильного использования либеральными силами давали гипотетический шанс на исправление ситуации.

Теоретически существовала возможность создать Учредительное собрание на основе государственных дум прежних созывов или, во всяком случае, не прибегать к всеобщим выборам в условиях войны. Сделать это надо было гораздо быстрее, используя «конституционный момент», возникший на волне национального подъема сразу после Февральской революции, и тем самым, упредив большевистский переворот. Это позволяло бы принять временную конституцию инструментального типа, отложив на будущее сложные вопросы социальных прав, национального самоопределения и федерализма. Затем создать на этой основе сильное дееспособное правительство (вопреки той неэффективной конструкции парламентской ассамблеи, которая довела над разработчиками Русской, а позднее Веймарской конституанты); наконец, решить на этой основе два центральных политических вопроса – выхода из войны и подавления левого экстремизма. Последнее, как показывает опыт разрешения других сходных кризисов, оказывалось возможным ценой бонапартистского переворота, который в этой ситуации выступал, несомненно, как меньшее зло.

эмиграции, затруднив международное признание советского режима);

– отказ от возможности компромисса партий и создания коалиционного правительства национального доверия для выхода из кризиса (это подорвало стабильность режима на протяжении всего XX в.);

– отрицание социально-политической модернизации в правовых

формах и торжество правового нигилизма (это заложило социальную основу для последующих социальных потрясений и «революций сверху»).

Внешнеполитическая изоляция и утрата возможных внешнеполитических приобретений, связанные с односторонним и неправовым выходом России из войны, а также публикацией секретных соглашений стали еще одним важным следствием большевистского переворота и роспуска Учредительного собрания, равно как и последовавший за этим раскол международного социалистического движения, связанный с общим осуждением большевизма и созданием Третьего интернационала.

Большевистский переворот и роспуск Учредительного собрания, следовательно, означали полную внутреннюю и внешнюю изоляцию режима через:

- разрушение всех инструментов социального примирения (от партийных компромиссов до роли церкви);

- Гражданскую войну и интервенцию, многомиллионную эмиграцию;

- отчуждение большевистской власти от общества и возможность ее сохранения лишь с помощью террора и репрессий по отношению к инакомыслящим.

Всё это предполагало реализацию формулы всех радикальных революций – делегирование власти от консерваторов к умеренным и радикалам, что вело к установлению однопартийной, а затем личной диктатуры В.И.Ленина.

Содержание новой технологии государственных переворотов, разработанной большевиками, сводилось

к превращению так называемых «стихийных» революций в «научно» организованные, т.е. осуществлению массовой мобилизации деструктивных антидемократических сил, захвату стратегических коммуникаций вместо штурма непосредственных институтов власти; легитимации переворота путем использования квазипредставительных институтов «народной демократии» (Советов). Важной чертой данной технологии стала возможность её применения независимо от идеологического содержания движений, что сделало ее востребованной организаторами различных антипарламентских переворотов XX в.

Рассмотрение теоретических, психологических и тактических аргументов большевиков периода Октябрьского переворота, а затем созыва и насильственного роспуска Учредительного собрания позволяет констатировать, что именно на этом этапе происходит кристаллизация новой модели марксизма – ленинизма как учения о диктатуре пролетариата и фактического обоснования однопартийного характера режима. Принципиальная новизна ленинизма заключается в отказе от демократических методов; выстраивание оригинальной теоретической схемы, согласно которой диктатура большевиков есть высшая форма демократии, в то время как парламентская демократия есть форма диктатуры буржуазии; роспуск на этом основании Учредительного собрания и замена его государством нового типа – «Республикой советов»; последующая легитимация этой подстановки путем выхолащивания реального юридического содержания конституции

онных норм, прежде всего о правах человека.

Так возник номинальный конституционализм, нашедший отражение в Конституции РСФСР 1918 г. и впервые зафиксировавший в качестве формы правления – диктатуру. О том, что эта логика оказалась неприемлемой даже с позиций других радикальных марксистских групп, говорит:

- критика роспуска Учредительного собрания их представителями (Р.Люксембург и А.Балабанова);

- раскол международного коммунизма (создание Третьего интернационала);

- сходство основных элементов идеологии и практики ленинизма с идеологией и практикой других авторитарных режимов XX в.

Современный политический раскол, ставший следствием крушения советской системы и однопартийной

диктатуры в 1991 г., вновь поставил проблему общенациональной Конституанты. Распад СССР оказался продолжением кризиса начала 1918 г., а Учредительное собрание, словно тень Банко, настигла и погубила коммунистического Макбета.

Идея Учредительного собрания как основы национального примирения, однако, снова не получила развития из-за непреодолимого противоречия политических сил, отстаивавших демократический и анти-демократический векторы развития, а также из-за стремления действующей власти сохранить полный контроль над ситуацией в переходный период. Этот конфликт достиг высшего проявления в условиях конституционной революции 1993 г., заставив общество отреагировать на взаимоисключающие консервативно-коммунистические и либерально-демократические ориентиры.

Пора отказаться от идеи неизбежности революции 1917 года

Размышляя о причинах и последствиях русской революции XX в. в сравнительно-историческом контексте, мы можем сегодня по-новому оценить вклад столыпинских идей.

В социальных революциях, как показывает исторический опыт, нет ничего фатального. Они представляют собой срыв сознания традиционного общества в условиях ускоренной модернизации, а их следствием является социальная катастрофа, отбрасывающая общество далеко назад, если, конечно, это не «славные» или «цветные» революции.

Россия 1917 г. представляет упущенный шанс достижения национального примирения в условиях ос-

трого социального кризиса. Свержение Временного правительства и насильственный роспуск Конституанты – это утрата исторического шанса. Результатом стал системный кризис национальной идентичности, который так и не преодолен до настоящего времени. Его проявлениями стали: разделение на Старую и Новую Россию; раскол общества на белых и красных в период Гражданской войны; раскол внутри Белого движения и эмиграции на сторонников правового развития – Учредительного собрания и его противников, выступавших за диктатуру, наконец, сохранение этих разделительных линий в сознании современного

российского общества, затрудняющих его полноценную национальную консолидацию.

Стратегии революции должна быть противопоставлена более успешная стратегия защиты общества и правовой системы от спонтанного разрушения или организованных государственных переворотов. Данная стратегия предполагает не только меры подавления революционно-экстремизма и терроризма, но и продуманную концепцию социальных преобразований – радикальных реформ, направленных на своевременную модернизацию тради-

ционалистских компонентов сознания общества, вовлечение гражданского общества в формулирование концепции преобразований, включение системы обратных связей между обществом и администрацией, становление демократических (представительных) институтов контроля и принятия решений.

Поэтому важной задачей правительства является разработка перспективной стратегии устойчивого развития страны, включающей обоснование реформ, этапов их проведения, стратегии и тактики реализации.

Примечания

- ¹ Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011.
- ² Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI в. М., 2005.
- ³ Модели общественного переустройства. Россия XX век. М., 2004.
- ⁴ Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of Modern World. Boston, 1967.
- ⁵ Wolf E.P. Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper and Row, 1969.
- ⁶ Коминтерн в решениях по аграрному и крестьянскому вопросу. М., 1932.
- ⁷ Trimberger E.K. Revolution from Above. Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. N.Y.: Transaction Books, 1978.
- ⁸ Ключевский В.О. Право и факт в истории крестьянского вопроса. М., 1959. Т. 7. С. 317.
- ⁹ Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905.
- ¹⁰ К 150-летию Великой реформы // Российская история. 2011. № 1.
- ¹¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1905.
- ¹² Johnson Ch. Revolution and the Social System. Stanford, 1964.
- ¹³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- ¹⁴ Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. М., 2005. С. 405.
- ¹⁵ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.
- ¹⁶ Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011.
- ¹⁷ Великая реформа. СПб., 1911. Т. VI. С. 1–53; Великие реформы в России: 1856–1874. М., 1992.
- ¹⁸ Модернизация в России и Китае: сравнительные параллели. «Круглый стол» // Российская история. 2012. № 3.
- ¹⁹ Российская империя от истоков до начала XIX в. М., 2011.
- ²⁰ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 605, 28.
- ²¹ Столыпин П.А. Грани таланта политика. М., 2006. С. 69–70, 247, 68–74.
- ²² Столыпин П.А. Мысли о России. М., 2006. С. 47.
- ²³ Столыпин П.А. Биохроника. М., 2006. С. 143, 139.
- ²⁴ Реформы и русское общество в начале XX века: К 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина // Российская история. 2012. № 2.

²⁵ Доусон К.Г. Боги революции. СПб., 2002.

²⁶ Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история, 2007. № 6. С. 4–23; Он же. Учредительное собрание и конституционные альтернативы России в 1917 г. // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 6. С. 3–27.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован (иметь разделы)**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подтверждающие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>